

О. А. Салтымакова

*Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОТИВА ЛЮБВИ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА»

В статье представлен анализ авторского повествования повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница», организованного речевым планом наблюдателя, с точки зрения лексико-семантической организации одного из мотивов первого плана – мотива любви – в его взаимосвязи с мотивами второго плана.

Ключевые слова: художественный текст, мотив, лексико-тематическая группа, наблюдатель, авторское мировоззрение.

Целью статьи является анализ лексико-семантической организации мотива любви в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». Ранее нами были представлены наблюдения над языковыми средствами формирования мотивов в авторском повествовании повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» [Салтымакова, 2015; Салтымакова, 2017; Салтымакова, 2018 и др.], в данной статье мы продолжаем изучение мотива как универсальной категории художественного текста, неразрывно связанной с авторским повествованием, с целью совершенствования аналитического инструментария и методики его анализа на материале конкретного художественного произведения.

Объектом нашего изучения в повести «Майская ночь...» является не весь текст художественного произведения, а только собственно авторская речь (не включающая речь персонажей), организованная с точки зрения наблюдателя. Наблюдатель – один из трех типов повествователя (наряду с формальным рассказчиком и отвлеченным авторским сознанием), выделенный нами при анализе субъектной организации авторского повествования.

ния в повестях Н. В. Гоголя (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки») [Салтымакова, 2014].

Когнитивный анализ авторского повествования, организованного наблюдателем, позволил выявить ядерные и периферийные смыслы, формирующие мотивы, для чего была проанализирована частотность, повторяемость лексических единиц, их взаимосвязь и взаимодействие, синтагматические связи между ними, языковые средства были объединены в лексико-тематические группы (ЛТГ), характеризующие тот или иной мотив. Далее мотивы были дифференцированы на мотивы первого и второго плана по двум критериям: 1) сюжетообразующая роль мотива; 2) семантическая валентность мотивов.

В исследуемом произведении в речевом плане наблюдателя семантически наиболее нагруженными (ведущими) оказались три мотива: красоты природы, любви, удивления; они развиваются основные сюжетные линии повести и имеют одинаковую семантическую валентность: связаны между собой как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях и воплощают идеино-эстетический план повести. Основные мотивы тесно переплетаются в сюжетном повествовании, кроме того, два из них углубляются мотивами второго плана: с мотивом любви тесно взаимосвязаны мотив человеческой внешности и веселья/смеха, с мотивом удивления взаимосвязан мотив времени суток.

Мотив **любви** раскрывается через любовный треугольник Левко – Ганна – голова. Чувства героев, их отношение друг к другу подробно представлены только в прямой речи персонажей, но их речь не входит в объект нашего исследования, поскольку научный интерес для нас представляют особенности экспликации мотивов в авторском повествовании, организованном речевым планом наблюдателя.

Рассмотрим языковые средства, вербализирующие чувства героев в авторском повествовании.

Репрезентанты чувства Ганны представлены тремя ЛТГ:

- 1) языковые средства, называющие физический контакт: положив голову на плечо ему; прижимаясь лицом своим к щеке его; обнимая его;
- 2) языковые средства, называющие зрительный контакт: горели приветно ясные очи; задумчиво уставив в него свои очи; не спуская глаз с него; устремив на него очи;
- 3) языковые средства, характеризующие речь: говорила она ему вполголоса; губы шевелились, неясно произнося его имя (во сне).

Чувства Левко вербализированы языковыми средствами, которые также можно объединить в три ЛТГ:

- 1) языковые средства, называющие физический контакт: обнимая ее; садясь вместе с нею; целуя и прижимая ее сильнее к груди своей; обнял ее крепче; поцеловал;
- 2) языковые средства, называющие зрительный контакт: оборотился Левко к Ганне;
- 3) языковые средства, характеризующие движение героя: быстрыми шагами и радостно спешил; перекрестив ее, закрыл он окошко и тихонько удалился.

Взаимность чувств Левко и Ганны выражена эксплицитно и вербализируется близкими по значению языковыми средствами, относящимися к одинаковым ЛТГ: физический и зрительный контакт. Так, физический контакт обоих героев назван деепричастиями от глаголов «обнимать» и «прижимать» – герои стремятся быть как можно ближе, у них тесный физический контакт. При этом зрительный контакт у Ганны вербализируется в четырех контекстах, а у Левко – в одном, тем не менее оба смотрят друг на друга.

Кроме того, чувства Ганны подчеркиваются характеристикой ее речи: она говорит *вполголоса* и даже во сне повторяет имя Левко. Отношение Левко демонстрируется словосочетаниями, называющими движение героя:

он *быстро и радостно спешит* на встречу с девушкой, проявляет заботу о ней, когда она спит.

Языковые средства подчеркивают, что Ганна стремится быть рядом с возлюбленным, хочет видеть его. Значимым для характеристики чувств девушки к Левко является и описание того, как она ведет себя с другими парубками: *увидев перед собою незнакомого парубка, отвернулась в сторону; кричала Ганна, вырываясь из толпы парубков, наперерыв спешивших обнимать ее.* Как видим, в речевом плане наблюдателя для этого используются антонимичные лексемы: девушка уже не *говорила вполголоса*, а *кричала*, она не смотрела на них, а *отвернулась*, не сидела, *прижимаясь и обнимая*, а *кричала, вырываясь*, – которые демонстрируют, как она разрывается и зрителем, и физический контакт с другими парубками.

Чувства Ганны и Левко передаются и через описание состояния природы, показательно в этом отношении олицетворение *задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо*. Лексемы *обнимал / обнимая* используются как при описании поведения обоих влюбленных, так и при изображении состояния природы, а эпитеты *задумавшийся* и *мечтательно* передают настроение влюбленных. Таким образом, анализ лексических единиц, эксплицирующих чувства Левко и Ганны, позволяет говорить об их взаимной симпатии.

Отношение головы к Ганне в речи наблюдателя не вербализируется, о притязаниях головы можно узнать только из прямой речи персонажей. Однако наблюдатель описывает чувства Левко, который с удивлением и возмущением стремится узнать говорящего, понять, кто разговаривает с его возлюбленной, испытывает чувство гнева, возникающее в ответ на речь незнакомца (*Левко не мог уже более удержать своего гнева; замахнулся он со всей силы, чтобы дать треуха*). Реакция Левко позволяет предположить, что незнакомец пришел к Ганне с низменными намерениями. Девушке не хочется говорить с головою, и, как только это становится

возможным, общение быстро прекращается, что подчеркивается фразой *Ганна поспешино влетела в хату, захлопнув за собою дверь*, между героями создается физическая преграда – *дверь*.

Углубляет мотив любви и подчеркивает контраст отношений Левко, Ганны и головы мотив **человеческой внешности**. Он, как и мотив любви, эксплицирован в авторском повествовании кратко, назовем языковые средства, описывающие внешность героев и особенности их поведения.

Ганна: *девушка на пороге семнадцатой весны; блистало красное коралловое монисто; робко* оглядываясь; *горели приветно ясные очи; краска, стыдливо* вспыхнувшая на щеках ее; говорила *вполголоса; задумчиво* уставив в него свои очи.

Левко: *молодой козак Левко, сын сельского головы; на козаке решетиловская шапка; орлиные очи* парубка; засунул *набекрень* свою шапку; *гордо* отошел от окошка.

Образы Ганны и Левко совпадают по признаку возраста и внешности: оба молоды и красивы, – а по характеру дополняют друг друга: девушка стыдлива, а юноша удалой и гордый. По тем же признакам им противопоставляется голова: возраст головы характеризуется фразами *молодой козак Левко, сын сельского головы* и *увидевши, что перед ним стоял отец его*, которые указывают на то, что голова, будучи отцом Левко, как минимум вдвое старше как его, так и Ганны. На физическом недостатке головы, в отличие от красоты Левко и Ганны, акцентируется особое внимание – в повествовании, организованном точкой зрения наблюдателя, 7 раз отмечается, что у головы только один глаз: *орлиный глаз его начинал мало-помалу жмуриться и меркнуть; устремив глаз свой; одинокий глаз головы; прищуривши глаз свой; устремление глаза исподлобья; продолжал ее мерять своим глазом; выпучив на него глаз свой*.

Контраст между героями усиливается эпитетом *орлиный*, характеризующим и Левко, и голову. В описании внешности Левко (*от орлиных очей*

парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щеках ее) адъектив *орлиный* в сочетании с субстантивом *очи* (высокая, торжественная стилистическая окраска) создают положительный образ героя (ср.: *орлиный взгляд* – сверкающий, острый, проницательный [Михельсон]).

При описании головы (*орлиный глаз его, как вечереющее солнце, начинал мало-помалу жмуриться и меркнуть*) адъектив *орлиный* сочетается с субстантивом *глаз* (нейтральная стилистическая окраска), сравниваемым с *вечереющим солнцем* (солнце на закате, неяркое, негреющее), который еще и начинал *жмуриться и меркнуть*. Ожидается, что *орлиный глаз* должен зорко смотреть, быть метким, в данном же контексте адъектив иронично переосмысливается. Такая сочетаемость описывает увядающую внешность головы, подчеркивает его физический недостаток.

Наблюдатель отмечает важный вид головы: *говорил голова с важной осанкой; произнес с самодовольным видом голова; пустил обыкновенный свой важный и значительный взгляд исподлобья*. Эпитеты *важный, самодовольный, значительный* усиливают противопоставление головы и Ганны, поведение которой характеризуется наречиями *стыдливо, робко, задумчиво*.

Таким образом, мотив человеческой внешности подчеркивает контраст отношений между Левко и Ганной и отношения головы к Ганне, и, хотя в авторском повествовании он вербализирован лишь отдельными лексемами-штрихами, внешность и поведение точно характеризуют основных действующих лиц повести и отношения между ними.

Связан с мотивом любви и мотив **веселья / смеха**, углубляющий контраст между Левко и головою. Данный мотив характеризует две группы действующих лиц: с одной стороны, описывается поведение Левко и его друзей-парубков, с другой – поведение головы и его гостя винокура.

Языковые средства, описывающие поведения Левко и его друзей, можно объединить в следующие ЛТГ.

1. Однократно употребляется лексема *веселье*, непосредственно называющая один из семантических компонентов мотива.
2. Лексемы, называющие веселящихся людей: *толпа, песельники, разгульные товарищи, танцующие, шалуны, гуляка, повеса*.
3. Лексемы, называющие звуки, свойственные веселью, и их источники: *звуки, песня (3), шум, топанье, хохот, крики (2), голос, несколько голосов, бандура (5), струны (4)*.
4. Лексемы, называющие действия, продуцирующие звуки: *бренчит, заиграл, запел, перебирая струны, ударив рукою по струнам, стали подтягивать* (в значении «подпевать»), *зашумела, звукнули, загремели, гремел, поднялся крик*.
5. Лексемы, передающие характер действия: *проказы, шумно, вихрем*.
6. Лексемы, называющие жестовые действия, выражающие веселье: *подплясывает, ударив ногою в ногу, хлопнув руками, понеслась*.

Ключевым при описании поведения парубков является субстантив *веселье* – «радость, удовольствие, утеша, отрада; радостное расположение или состояние духа || игры, потехи, забавы, смехи» [Даль, 2007, т. I, с. 186]. Языковые средства, описывающие поведение Левко и его друзей, актуализируют все смыслы данной лексемы и создают атмосферу всеобщего шумного, безудержного веселья-забавы, подчеркивается удасть и задор парубков, они радуются, дурачатся, шалят.

Приведем фрагменты повествования, в которых репрезентируется мотив веселья / смеха по отношению к голове и винокуре.

Винокур: *гость – низенький, толстенький человечек с маленькими, вечно смеющимися глазками, в которых, кажется, написано было то удо-*

вольствие, с каким курил он свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцем вылезавший из нее превращенный в золу табак;

по произнесении сих слов глазки винокура пропали; вместо их протянулись лучи до самых ушей; все туловище стало колебаться от смеха, и веселые губы оставили на мгновение дымившуюся люльку;

и низенькое строение винокура расшаталось снова от громкого смеха;

такая острота показалась не совсем глупою винокуру, и он тот же час решился, не дожидаясь одобрения других, наградить себя хриплым смехом;

Голова: сказал голова, выразив на лице своем что-то подобное улыбке;

произнес с самодовольным видом голова. Рот его покривился, и что-то вроде тяжелого, хриплого смеха, похожего более на гудение отдаленного грома, зазвучало в его устах.

Во фрагментах, описывающих внешность винокура, употребляются лексемы с уменьшительными суффиксами: *низенький, толстенький человечек с маленькими... глазками; глазки винокура; низенькое строение*, – употребленные по отношению к взрослому мужчине, они приобретают пренебрежительно-уничижительную окраску и снижают значимость всего, что он делает, в том числе и смеха. Также при описании винокура отмечается только внешнее воздействие смеха на него, но не упоминается о его эмоциональном состоянии: *туловище стало колебаться от смеха; низенькое строение винокура расшаталось от смеха*. Фраза *решился, не дожидаясь одобрения других, наградить себя хриплым смехом* подчеркивает, что смех винокура не передается окружающим, кроме него, над его шутками больше никто не смеется.

Языковые средства, раскрывающие особенности поведения головы, свидетельствуют о том, что голова не способен искренне радоваться, на

его лице появляется лишь *что-то подобное улыбке*; он может издавать лишь *что-то вроде смеха*.

При описании поведения головы и винокура значимым оказывается субстантив *смех* (4 употребления в тексте) – «хочет, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа» [Даль, 2007, т. IV, с. 241]. Однако, по отношению к голове и винокуру смех обесценивается, лексема *смех* характеризует лишь внешнее поведение, само же состояние веселья им не свойственно, они не испытывают чувства радости.

В целом мотив веселья / смеха подчеркивает контраст между Левко и головою: Левко способен веселиться, искренне радоваться, что подчеркивает искренность всех его чувств (в том числе и любовь к Ганне), в то время как характер головы отличается притворством и лицемерием.

Таким образом, анализ показывает, что в авторской речи как мотив любви, так и сопряженные с ним мотивы второго плана эксплицированы кратко. В речи наблюдателя нет прямых оценок поведения героев, наблюдатель лишь описывает их действия и состояние, используя оценочную лексику, создавая иронический подтекст, авторская позиция не формулируется как готовый постулат. Наблюдатель не рассуждает о том, хорошо ли поступает голова, притязая на любовь молодой девушки, а лишь отдельными лексемами-штрихами обозначает свое отношение к героям, позволяя читателю самому сделать выводы и понять авторскую позицию. Аксиологическая система Гоголя-человека как автора произведения и носителя его концепции, безусловно, проявляется в речевом плане наблюдателя: читатель чувствует авторское одобрение отношений между молодыми людьми и любование героями, удовольствие от взаимности чувств Ганны и Левко и переживание из-за притязаний головы, осуждение поведения головы и радость за благополучное разрешение коллизии.

Анализ лексико-семантической организации мотива позволяет уверенно утверждать, что мотив – это не только образ или эпизод в художественном произведении, не просто тема сюжета и его движущий компонент, мотив – это особая организация самой речевой структуры повествования. Определенная тематико-ассоциативная совокупность языковых средств во всем многообразии их синтагматических отношений, порождающих сложное переплетение смыслов, выявление которых невозможно без скрупулезного лингвистического анализа повествовательной ткани, учитывавшего частотность употребления лексем, их переосмысление в контексте, создает компрессию смысла и позволяет выявить тот или иной мотив в речевой структуре авторского повествования и его значение в раскрытии идейно-нравственных и мировоззренческих установок автора.

Библиографический список

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. В 4 т. – Москва : Рус. яз., 2007.
2. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. – [Электронный ресурс]: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/> [web сайт]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/7055/%D0%BE%D1%80%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 12.09.2019).
3. Салтымакова, О. А. К вопросу о критериях выделения типов повествователя / О. А. Салтымакова // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. – Москва : Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 294–297.
4. Салтымакова, О. А. Мотив торговли в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» О. А. Салтымакова // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе. Сборник научных статей. – Кемерово : Издательство «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева», 2018. – С. 242–250.

5. Салтымакова, О. А. Языковые средства формирования мотива любви в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» / О. А. Салтымакова // Актуальные проблемы гуманитарных наук в техническом вузе. Сборник научных трудов. – Кемерово : Издательство «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева», 2017 [Электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29284450> [web сайт]. – URL: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Other/2017/ffp/pages/Articles/30.pdf> (дата обращения: 12.09.2019).
6. Салтымакова, О. А. Языковые средства формирования мотива сатаны в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» / О. А. Салтымакова // The 9th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. – Vienna, 23th November, 2015. – P. 177–183.

O. A. Saltymakova

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

LEXICAL-SEMANTIC ORGANIZATION MOTIF OF LOVE IN N.V. GOGOL'S NOVEL «MAY NIGHT, OR THE DROWNED WOMAN»

The article presents an analysis of the author's narrative of N. V. Gogol's novel «May Night, or the Drowned Woman», organized by the observer's speech plan, from the point of view of the lexical and semantic organization of one of the foreground motifs – the love motif – in its relationship with supporting motifs.

Key words: literary text, motif, lexical-thematic group, observer, author's worldview.